

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 148

Г.Ю. СИТНЯНСКИЙ

**ТРИНАДЦАТЫЙ МИФ О
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

ПО ПОВОДУ РАБОТЫ *МАРТЫ БРИЛЛ ОЛКОТТ*

Москва
2002

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 148

Г.Ю. СИТНЯНСКИЙ

**ТРИНАДЦАТЫЙ МИФ О ЦЕН-
ТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

ПО ПОВОДУ РАБОТЫ *МАРТЫ БРИЛЛ ОЛКОТТ*

**Москва
2002**

ISBN 5-201-13758-x (9)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 148.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 148

Г.Ю. СИТНЯНСКИЙ

ТРИНАДЦАТЫЙ МИФ О ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

По поводу работы Марты Брилл Олкот

Об авторе

Ситнянский Георгий Юрьевич, к.и.н., старший научный сотрудник Отдела Средней Азии и Казахстана Института этнологии и антропологии РАН. Автор многочисленных аналитических работ по этнологии и современной ситуации в Центральной Азии, написанных на основе собственных полевых исследований.

About the Author

SITNYANSKY, GEORGY Y.

Ph. D. hist., Senior Researcher at the, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. The author of number of the analytical works on the ethnology and modern situation in the Central Asia based on the field materials.

Summary

G. SITNYANSKY. THE 13TH MYTH ABOUT CENTRAL ASIA.

The author analyses Martha Brill Ollkott's work "12 Myths about Central Asia". Reviewing situation in the region, he also provides assessment of the prospects for future development of Central Asia. The author argues that this region should not be perceived as a single unit and that the latter approach, being nevertheless used by some scholars and politicians, leads to serious mistakes. Some other myths about Central Asia are critically assessed by the author from the same point of view.

В 2001 г. Московский центр Карнеги выпустил брошюру Марты Брилл Олкотт «Двенадцать мифов о Центральной Азии». Брошюра посвящена десятилетию независимости государств этого региона и является вторым изданием той же работы 1996 г. (тогда государства Центральной Азии отмечали свое пятилетие).

Брошюра анализирует двенадцать наиболее распространенных, по мнению ее автора, заблуждений относительно ближайшего будущего народов региона. По большей части, с авторской критикой нельзя не согласиться: мифы действительно являются мифами, реальное положение дел иное. Однако при внимательном прочтении работы нельзя не заметить, что Марта Брилл Олкотт в значительной мере сама оказалась в плену еще одного, тринадцатого мифа – о том, что вся Центральная Азия представляет собой некое единое цивилизационное, этнокультурное, геополитическое целое, и именно так этот регион следует рассматривать и под этим углом надо анализировать положение дел в настоящем и будущем.

Между тем, Центральноазиатский регион четко делится на две отличные в цивилизационном, геополитическом, этнокультурном смыслах части. В советское время такими двумя частями считались Казахстан и Средняя Азия, рассматривавшиеся порознь. И до сих пор российские этнографы вместо

«Центральная Азия» предпочитают говорить «Средняя Азия и Казахстан». Однако и этот взгляд зрения ошибочен по крайней мере в двух моментах.

С одной стороны, довольно обширная – размером с любое из среднеазиатских государств – часть Юго-Западного Казахстана (я имею в виду Кызыл-Ординскую и Чимкентскую области) исторически тяготеет скорее к Узбекистану; с другой же стороны, по крайней мере, Северная Киргизия по своим географическим, геополитическим, этнокультурным и т.д. параметрам тяготеет скорее к Казахстану, чем к Средней Азии. Поэтому при делении Центральноазиатского региона необходимо выделить две части: Евразийскую степную казахско-киргизскую и Среднеазиатскую оседло-мусульманскую; границу между ними очень условно можно провести по линии: южная граница Казахстана между Каспием и Аралом – Аральское море – немного восточнее Сырдарьи – горы Каратау – гора Манас – границы между Чуйской, Таласской и Нарынской, с одной стороны, и Ошской и Джалал-Абадской, с другой стороны, областями Киргизстана. Границы эти сформировались еще в VIII-VII вв. до н.э. (скифо-саки – с одной стороны, первые оседлые государства Средней Азии – Бактрия, Согдиана, Хорезм – с другой).

Автор уже многократно писал и говорил на эту тему¹; в ходе данной ра-

боты я повторю большую часть своих аргументов.

Пока же отмечу только, что я планирую проанализировать приводимые Мартой Брилл Олкотт «двенадцать мифов о Центральной Азии» под углом критики еще одного – тринадцатого мифа, мифа о Центральной Азии как о едином целом.

Итак, миф первый: государства Центральной Азии – это естественные образования, и они выживут в нынешнем виде с помощью юридических гарантий государственности

Это – действительно миф. Начнем с того, что юридические гарантии государственности, как показал исторический опыт, сами по себе ничего не дают – заявления о незыблемости границ в долгосрочной перспективе значат не больше, чем декларация, например, Венского конгресса 1815 г. о сохранении отныне и впредь status quo в Европе. Чтобы государство сохранило независимость, за декларациями о ней должны стоять либо способность самого государства защитить себя, либо заинтересованность каких-то внешних могущественных сил в его сохранении как независимого государства. Существует ли эти предпосылки в странах региона и если да, то в каких, мы еще поговорим ниже.

Пока же отметим, что государства Центральной Азии, как, впрочем, и почти всего остального бывшего СССР, «в нынешнем виде», т.е. в установленных советской властью границах – образо-

вания абсолютно произвольные. О том, что межреспубликанские границы в СССР проводились как попало, без малейшего учета как этнического состава населения, так и желания самих жителей, написано и сказано более чем достаточно. Но в Центральной Азии дело этим не ограничивается.

Дело в том, что до 1920-х гг., когда советский режим провел в регионе национально-государственное размежевание, *все* государства региона от древнейших образований IX-VIII вв. до н.э. (вроде Согдианы и Бактрии) до ханств и эмиратов XVIII – начала XX вв. организовывались по **территориальному** признаку. Во многих случаях этническое размежевание провести просто не представляется возможным – например, между узбеками и таджиками (от Самарканда до Душанбе два этноса живут очень смешанно) или между узбеками и киргизами (та же картина в Ферганской долине). Это, не говоря уже о том, что до 1920-х гг. имелось, помимо нынешних этносов, много промежуточных этнических групп, например, в Ферганской долине – кипчаки; после 1924 г. кипчаков записали частично в узбеки, частично в киргизы. На Памире в «припамирские таджики» были записаны местные иранские народы и т.д., причем согласия народов опять же никто не спрашивал (автору попадались сведения о том, что перепись 1939 г. насчитала в СССР чуть ли не на 100 народов меньше, чем перепись 1926 г.).

Что касается государств, созданных по территориальному признаку, то они занимали примерно одни и те же тер-

ритории: Хивинское ханство (в более ранние времена – Хорезм) – низовья Амударьи, Бухарский эмират (ранее – Согдиана и Бактрия) – междуречье Амударьи и Сырдарьи и нынешний Северный Афганистан, Кокандское ханство – Ферганскую долину. Если не считать того, что в первой половине XIX в. Кокандское ханство ненадолго распространило свою власть на всю Киргизию и даже на часть Казахского Семиречья (да и то эта власть ограничивалась не очень регулярным взиманием дани с местных племен), то очевидно, что все эти исторически сложившиеся государства региона занимали среднеазиатскую его часть, тогда как Евразийская часть была предоставлена самой себе, а в дальнейшем – России, к которой сложившиеся там казахские и киргизские ханства в XVIII-XIX вв. присоединились добровольно, в отличие от Средней Азии, которую русским пришлось завоевывать. Очевидно, что при любых территориально-политических изменениях в регионе фактор исторической традиции должен сказаться самым решающим образом. Вопрос в том, какие это будут изменения.

Миф второй: на руинах СССР возникнет какая-то многосторонняя организация, которая сможет решать проблемы, не посягая на государственные суверенитеты.

Если бы такая организация и могла возникнуть, она бы уже возникла, причем вскоре после распада СССР.

Между тем, уже сейчас очевидно, что в пределах СНГ идут разноуровневые интеграционные процессы между самыми различными группами государств. На территории же Центральной Азии происходит именно отдаление Казахстана и Киргизстана от остального региона при сближении их (пока еще достаточно слабо) с Россией; остальной же регион явно ищет (и находит) себе других союзников. Тут речь идет не о сближении с Западом, от которого, как известно, и Казахстан и Киргизстан не отказываются, а об отношениях с более близкими к региону соседями. Об отношениях стран региона с США и их союзниками и о том, как влияют эти отношения на интеграционные процессы в регионе, мы подробнее поговорим ниже.

Собственно, само создание СНГ отразило неспособность постсоветских лидеров найти некую лучшую форму, чем механическое воспроизведение старой советской империи – гораздо менее единой и интегрированной, чем ранее, но зато в прежних (кроме стран Балтии) границах. Совершенно игнорировался тот факт, что советская империя именно потому и распалась, что были объективные причины невозможности ее сохранения в прежнем виде и главное – в прежних размерах. Российская Империя и выросший из нее СССР, как и все империи, были образованиями, составленными из достаточно разнородных цивилизационных компонентов и поэтому обреченными на распад. Поэтому необходим кардинальный пересмотр советской политики в этом вопросе и создание

каких-то менее обширных, но зато гораздо более тесно интегрированных надгосударственных образований, а в перспективе, может быть, и единых государств. Чтобы ответить на вопрос, какой именно пересмотр советской политики необходим, надо проанализировать

Миф третий: государственность окажется эфемерной вследствие того, что Россия вернет себе контроль, или потому, что самые слабые государства станут жертвами регионального гегемона.

Несостоятельность второй части этого мифа очевидна: в Центрально-азиатском регионе нет силы, способной контролировать его весь. Как, например, Узбекистан – самая сильная из стран региона – поставит под свой контроль Караганду или Талды-Курган? Ну, а о возможностях остальных стран региона и говорить нечего. В свете того, что регион не представляет собой единого целого, любая попытка региональной интеграции обречена на неудачу, независимо от того, будет ли проводиться эта интеграция под эгидой какого-либо государства региона или внешней силы.

Что касается первой части мифа – о том, что возможно восстановление российского контроля – то ее несостоятельность тоже очевидна, если говорить обо **всем** регионе – по той же причине: Центрально-азиатский регион – не единое целое. По целому ряду других причин, о которых мы еще

скажем, не отвечает национальным интересам России восстановление контроля надо всей Центральной Азией, даже если в будущем это станет реальным. А вот интеграция с «евразийской» частью региона и вполне реальна (тоже, конечно, не «прямо сейчас», процесс будет достаточно долгим и непростым) и вполне в интересах нашей страны.

Уже говорилось, что вхождение в состав России казахов и северных киргизов в XVIII-XIX вв. носило, в отличие от народов Средней Азии, добровольный характер. Напомню, что при продвижении в Центральную Азию среди российского истеблишмента раздавались голоса (к несчастью, не услышанные) о том, что надо ограничиться Казахстаном и Киргизским Семиречьем и не распространять российское владычество на собственно Среднюю Азию. Таково было, например, мнение генерала Безака². Сам М.И. Венюков, приводивший это мнение, считал иначе: по его мнению, начав движение от рр. Урал и Иртыш, Россия просто не могла остановиться на полдороге и вынуждена была идти «до Гиндукуша и Хорасана», поскольку внутри лежащей между этими рубежами территории нет естественных границ, каковые могут заключаться только в окраинах, способных содержать большое количество европейского населения³.

Ошибочностью этой точки зрения мы еще займемся отдельно, а пока отметим, что таких границ нет и там, куда Российская Империя стремилась – на Гиндукуше и в Хорасане. Следуя этой

логике, Россия должна была расширяться до Индийского океана, что некоторые политики, кстати, уже тогда предлагали⁴.

Вполне можно согласиться с А.И. Солженицыным, который еще в 1990 г. высказал мнение, что Александру II надо было закончить свои Великие реформы вместо того, чтобы завоевывать Среднюю Азию⁵. Тогда, однако, сыграл свою роль страх перед тем, что эти территории может захватить Великобритания; последняя же, в свою очередь, занималась ненужной ей экспансией далеко за пределы Индии из страха перед тем, что иначе Россия может выйти на подступы к этой стране; такая политика не принесла ничего хорошего ни России, ни Великобритании.

Но вернемся в наше время. Есть серьезные основания думать, что именно по евразийско-среднеазиатской границе пролегает естественный рубеж между развалившейся в 1991 г. Российско-Советской Империей и собственно Россией как евразийским объединением восточнославянских и степных народов. Вряд ли случайно все восточные империи (персидские цари, их преемники греко-македоняне, арабские халифы) могли распространить свое владычество только до этого рубежа. Что касается татаро-монголов, то они распространили свое владычество как на Евразийскую степь, так и на Среднюю Азию, однако их империя почти тут же распалась именно на евразийскую (Золотая Орда) и мусульманскую (государство Хулагуидов) части; Чагатайский же улус, объединивший в своем составе евразийское

Семиречье и восточно-мусульманские Мавераннахр и Синьцзян, оказался наименее жизнеспособным из всех созданных монголами государств. Даже Тимуру, несмотря на неоднократные успешные походы, не удалось подчинить евразийскую часть Центральной Азии. Все это надо учесть на будущее.

Что касается Средней Азии, то там вполне возможно региональное лидерство Узбекистана. Самые плодородные в регионе земли, огромные запасы природного газа, в советское время обеспечивавшие чуть ли не весь СССР, мощная (по меркам региона, разумеется) промышленность дает Узбекистану и экономические основания для претензий на контроль над рядом соседних стран.

Режим Каримова (неофициально, конечно, но зато почти неприкрыто) предъявляет претензии на Таджикистан, который уже превратился в экономический его придаток. Так, Душанбе уже в 1996 г. был должен Ташкенту свыше 100 мил. дол.; за долги Алмалыкский горно-металлургический комбинат получил право на добычу руды на Алтын-Топканском месторождении и золота в верховьях Зеравшана. Узбекистан стремится также контролировать второе в мире месторождение серебра Большой Канимансур⁶. Ходжентская область с ее урановыми заводами вообще находилась под контролем Узбекистана уже тогда⁷.

Только российское военное присутствие мешает Таджикистану превратиться в политический придаток Узбекистана. Узбекистан поддерживает

А.Р. Дустума в Северном Афганистане, и, кстати, в ходе антитеррористической операции в Афганистане возникли трения между США и Узбекистаном после того, как при формировании афганского переходного правительства Дустума обделили властью. В свое время Таджикистан и Северный Афганистан принадлежали Бухарскому эмирату.

К этому надо добавить, что узбеки и таджики, при всех противоречиях между ними, по отношению к другим народам, как правило, выступают единым фронтом – как по отношению к евразийским соседям, казахам и киргизам, так и, скажем, по отношению к пуштунам в Афганистане, что показали, например, пять лет совместной борьбы афганских таджиков и узбеков против талибов. Были забыты и межэтнические противоречия, и идеологические разногласия (бывший «душман» Масуд стал союзником бывшего коммунистического генерала Дустума).

Но и это не все. На территории более стабильных, чем Таджикистан, соседей по региону со стороны Узбекистана тоже имеются неофициальные претензии. Например, на Южную Киргизию (бывшую органическую часть единого Кокандского ханства), на тяготеющие к Узбекистану части Казахстана, о которых говорилось выше (они были поделены между Бухарским эмиратом, Кокандским и Хивинским ханствами). Экономические предпосылки для узбекской гегемонии над этими территориями, как и в Таджикистане, уже налицо. Сама Марта Брилл Олкотт признает, что узбекский бизнес

господствует в экономике этих регионов⁸. Не надо забывать, что тяготеющие к Узбекистану юго-западные части Казахстана и Южная Киргизия всегда рассматривались узбеками как своя территория; и нельзя сказать, чтобы для этого не было никаких оснований. В свое время города в этих регионах были населены почти исключительно узбеками; отдача же этих городов в советское время Казахстану и Киргизии мотивировалась тем, что «у южных казахов и южных киргизов не будет ни одного города, если эти города отдать Узбекистану»⁹.

В 1997 г. прошла информация и о сепаратистских настроениях в туркменском городе Чарджоу, которые не могли быть подавлены силами местного КНБ (КГБ), и пришлось вызывать силы нацбезопасности из Ашхабада (сообщено автору в ноябре 1997 г. на пресс-конференции в Институте этнологии и антропологии РАН двумя российскими журналистами, только что вернувшимися из Туркменистана). Учитывая, что до 1924 г. Чарджоу входил в состав Бухарского государства, есть определенные основания полагать, что это сепаратистское движение было проузбекским.

Вообще, налицо претензии Узбекистана на все территории, когда-либо входившие в состав Бухарского эмирата, Кокандского (кроме Семиречья, которое, как уже говорилось, входило в его состав скорее номинально) и Хивинского ханств; напомним, что преобладающим, «властным» этносом во всех трех государствах были именно узбеки.

Но и Россия заинтересована в узбекском великодержавии. Помимо того, что сильный Узбекистан мог бы стать преградой для распространения исламского экстремизма с юга (опасность какового после разгрома талибов, впрочем, сильно уменьшилась), появился бы мощный стимул для более тесной интеграции с Россией Казахстана и особенно Киргизии, боящихся усиления Узбекистана.

Одним словом, миф третий неверен применительно к Центральноазиатскому региону в целом именно по-тому, что его нельзя рассматривать «в целом», но может сбыться в разных его частях в виде российской гегемонии в Евразийском поясе и узбекской – в Средней Азии. Как Россия, так и Узбекистан вполне могут пользоваться друг другом как жупелами для укрепления своего лидерства в соответствующих частях региона.

Миф четвертый: международные агентства и организации окажут достаточную поддержку и помогут сохранить государства Центральной Азии*

тесно переплетается как с мифом первым (уже говорилось о том, что суверенитет любого государства должен подкрепляться либо его способностью защитить себя, либо нежеланием тех или иных могущественных государств или международных сил допустить его

завоевание кем-либо), так и с мифом более глобальным о том, что США и их союзники всегда, везде и при любых обстоятельствах будут препятствовать усилению позиций России – вообще где бы то ни было.

Начнем с того, что главная угроза независимости стран региона исходит отнюдь не от России. По сравнению со временами Российско-Советской империи радикально изменилась мировая геополитическая ситуация. Эпоха европоцентризма, когда Европа (включая сюда Россию, а с XIX в. – и США) была центром мира, а все остальное человечество – колониальной периферией, кончилась, и вместе с ней прошли времена, когда ход мировой истории определялся противостоянием друг другу тех или иных европейских держав (дважды – в 1815-1856 и особенно в последние полвека – в 1945-1990 гг. – противостоянием России и объединенного Запада). Вместе с тем ушли в прошлое и российско-американские (шире – российско-западные) отношения времен «холодной войны» 1945-1990 гг. как «игра с нулевой суммой» (сколько один приобрел, столько другой потерял). Все разговоры о «вытеснении России Соединенными Штатами из Центрально-азиатского региона» основаны на непонимании того фундаментального факта, что, при всех разногласиях насчет расширения НАТО или договора по ПРО, по крайней мере, практически на всех азиатских направлениях Россия и США теперь должны выступать не как соперники, а как союзники, иначе будут большие проблемы не только у нас, но и у них.

* Термин «международные агентства и организации» вполне можно считать применительно к Центрально-азиатскому региону эвфемизмом вместо «Запад во главе с США».

Это относится, в том числе, и к Центральной Азии; если Россия утратит евразийские Казахстан и Киргизию как объекты своего геополитического влияния, то и военное присутствие США в регионе быстро кончится.

Собственно, уже стало очевидным, что США, при всем их могуществе, просто физически не в состоянии прочно и жестко контролировать весь мир. Поэтому им приходится – пусть под своим верховным контролем – допускать доминирование тех или иных великих держав в регионах их традиционного влияния. Так, для Британии и Франции такой сферой влияния стали их бывшие колонии, для Германии – Восточная Европа. Ну, а для России такой вполне естественной сферой влияния могли бы стать евразийские государства.

Роль среднеазиатского лидера в таком случае столь же естественно достанется Узбекистану: уже говорилось, что в интересах России интеграция только с Казахстаном и Киргизией, причем только в случае добровольного согласия последних. На территории государств, расположенных южнее, претендовать нет смысла. И уж в любом случае Россия не представляет опасности для самого существования народов этих стран. Исторический опыт Российского государства, которое никогда не занималось уничтожением других народов, подтверждает это.

А вот Китай, за последние годы практически на глазах превращающийся в новую сверхдержаву и уже на равных разговаривающий с США, не скрывает своих претензий на казах-

станские территории, по крайней мере, до Караганды и на Северную Киргизию. Собственно, еще в 1950-е гг. КНР выдвигала претензии на территорию Центральноазиатского региона до Аральского моря¹⁰. А если обратиться к более ранним историческим эпохам, то китайские армии достаточно регулярно наведывались в Семиречье и Фергану еще со II-I вв. до н.э., а в 97 г. н.э. доходили до Мерва.

И под властью Китая населяющим эти территории народам будет весьма скверно. Продолжающаяся вот уже сорок лет китаизация Синьцзяна (доля китайцев в населении которого выросла за это время с 10% до 40%), Тибета, насильственная ассимиляция населения Внутренней Монголии, практическое исчезновение маньчжурского этноса наглядно показывает и народам Центрально-азиатского региона, что с ними может быть.

И они это понимают. «Черный китаец нагрянет – рыжий русский отцом покажется», – говорят казахи¹¹. На территории Казахстана уже проживают сотни тысяч китайцев – это только тех, кто хоть как-то «засветился»¹². Уже разрабатываются проекты строительства нефтепровода от Актюбинска до китайской границы с применением китайской рабочей силы. В 1993-1994 гг. имел место массовый наплыв китайцев в Киргизстан; на Иссык-Куле они заселяли целые села, брошенные уехавшими русскими (1993 год – пик выезда из Киргизии «русскоязычного» населения). В г. Нарын, по некоторым данным, в начале 1994 г. китайцы составляли до половины населения¹³.

Очевидно, киргизам перед лицом «черного китайца» тоже «рыжий русский отцом показался», ибо в дальнейшем (с 1995 г.) они сумели выпроводить пришельцев (а также начать гораздо более пророссийскую внешнюю и лояльную к «русскоязычному» населению внутреннюю политику, чем раньше), но очевидно, что от рецидивов стихийной китаизации Киргизия не гарантирована.

Учитывая, что и Запад во главе со США в последние годы обеспокоен усилением Китая, для них логично было бы иметь антикитайский противовес в виде достаточно сильной России. В том числе и с военным присутствием последней в Казахстане и Киргизии – на мой взгляд, только совместная военная программа трех стран – потенциальных жертв китайской экспансии была бы эффективной. Этому отнюдь не помеха и военное присутствие США в Бишкеке (впрочем, совсем не исключено, что оно действительно продлится только до окончания антитеррористической операции в Афганистане): поодиночке как России, так и США будет гораздо труднее (если вообще возможно) остановить китайскую экспансию. Нужна и активность самой России (и Казахстана с Киргизией) – американцы если и помогут, то только тому, кто «сам себе будет помогать». А некоторые чисто военные задачи (например, реанимация и затем многократное усиление укреплений «Стальной пояс» на бывшей советско-китайской границе) могут быть решены только при ведущей роли России; США в лучшем случае подбросят пару

миллиардов долларов на эти задачи в рамках какой-нибудь новой программы «партнерства во имя мира».

Мы уделили так много внимания китайскому фактору не только и не столько потому, что Китай – фактически уже новая сверхдержава, сколько потому, что Марта Олкотт ухитряется, говоря о перспективах Центральной Азии, совершенно игнорировать китайский фактор. Однако не только китайский фактор имеет значение. Отнюдь не исчезла полностью (хотя и заметно уменьшилась с разгромом талибов) и угроза исламского экстремизма. И тут тоже совсем не факт, что мировое сообщество, особенно после 11 сентября, предпочтет победу в тех или иных странах региона исламских экстремистов (в случае, если угроза таковой станет реальностью) поглощению их более сильными соседями – Россией или Узбекистаном.

Но как бы там ни было, едва ли сами по себе «международные агентства и организации» (если под этим словом подразумевать действительно ООН и прочие международные объединения) смогут обеспечить независимость государств региона при всем желании.

Миф пятый: нынешняя элита может достичь бессмертия через династическое наследование.

Сбудется ли этот прогноз и во всех ли государствах региона или только в некоторых, и в каких – зависит в том числе и от развития интеграционных тенденций в регионе. Очевидно, что в

Узбекистане – «Великом» или в нынешних границах – и в Туркмении он имеет все шансы сбыться. А вот в Казахстане и Киргизии ситуация сложнее. Если Казахстан и Киргизия более тесно интегрируются с Россией, то это будет одна ситуация. В нашей стране Ельцин худо-бедно сумел все же передать власть не члену «семьи» даже в широком смысле этого слова. А ситуация, скажем, в Киргизии напоминает скорее российскую, чем среднеазиатскую (и напоминала всегда – в 1992-1995 гг. политические процессы в Киргизстане шли примерно также, как в России, с опозданием примерно на год – год с небольшим). Если Казахстан и Киргизия начнут, напротив, отдаляться от России, тогда развитие ситуации предсказать намного сложнее.

Впрочем, утверждение Марты Брилл Олкотт о том, что все лидеры региона обеспечили себе пожизненное президентство¹⁴, тоже не вполне соответствует действительности. Пока этого добился только Туркменбаши. Хотя, конечно, не только узбекские, но и казахские и киргизские президентские выборы последних лет полностью демократическими назвать нельзя. При этом, впрочем, в Киргизстане демократии больше, чем в Казахстане, в последнем – больше, чем в Узбекистане, а там, в свою очередь, больше, чем в Туркменистане. Это обстоятельство, кстати, служит не последним доводом при определении интеграционных приоритетов России в регионе, но о степени демократичности государств Центральной Азии со степенью их

интегрированности с Россией мы еще поговорим.

Так или иначе, с мифом пятым тесно переплетается

Миф шестой: люди в Центральной Азии все больше устают от неопределенностей демократии.

Опять необходим дифференцированный подход к Средней Азии и к Евразии. Среди сторонников так называемой «евразийской» идеологии (сформированной в 1920-1930-х гг. Н.С. Трубецким, П.Н. Савицким и некоторыми другими эмигрантами и продолженной после 1985 г. Л.Н. Гумилевым, А.Г. Дугиным и т.д.) распространено мнение, что евразийские народы (т.е. восточные славяне и народы Великой Степи, к каковым относятся и казахи и киргизы) ближе к Азии, чем к Европе.

Едва ли, однако, это соответствует действительности. Еще в 1906 г. Н.А. Липский писал о киргизах как о «племени даровитом, чуждом мусульманской инертности и мертвенности, способном к [европейской] культуре»¹⁵. Современная Киргизия, особенно киргизская молодежь, подтверждает эти слова. В частности, в пользу этого говорит тот факт, что на Иссык-Куле уже в 1993 г. 66% киргизской молодежи считало, что надо учить английский язык (и, конечно, подавляющее большинство – что надо учить русский) и только 4% – что надо учить арабский¹⁶ (25). Среди стран – примеров для подражания – казахи и киргизы,

по данным опросов, называли, помимо России, США, Японию, Южную Корею, Турцию, т.е. страны, которые принято считать «западными» (впрочем, рейтинг Турции во второй половине 1990-х гг. упал во всем регионе).

Необходимо сказать и о религиозном факторе. Народы Евразийского степного пояса проявляли склонность к христианизации еще со времен Киевской Руси, когда в XI-XII вв. в западной части Великой Степи половцы-кипчаки крестились в православие целыми родами¹⁷, а в восточной ее части подавляющее большинство кочевников приняло христианство несторианского толка¹⁸. В 1762 г. казахи просили Екатерину II оградить их от пропаганды ислама и обратить в православие¹⁹. Просьба неоднократно повторялась в дальнейшем. Российские ученые того времени тоже предупреждали об опасности исламизации евразийских скотоводов и советовали принять меры к их христианизации. Такого мнения придерживались, например, Ч.Ч. Валиханов²⁰ и М.И. Венюков²¹. Однако царское правительство не только не проводило политики христианизации казахов и киргизов, но, наоборот, по существу содействовало их исламизации²², что, кстати, тоже способствовало закреплению в России точки зрения на Центрально-азиатский регион как на единое целое.

Тем не менее, ислам в Казахстане и Киргизии пока сравнительно слаб. Распространение среди киргизской молодежи евангельского христианства (в Бишкеке и его окрестностях по влиянию сопоставимого с исламом уже

сейчас), европейской культуры и т.д. – тоже наглядные подтверждения европейской культурной ориентированности. О распространении христианства несколько работ написано автором²³. О религиозном факторе мы еще поговорим, а пока отметим, что Казахстан и Киргизия предпочитают именно европейское культурное влияние – об этом говорит хотя бы даже внешний облик молодежи в любом северо-киргизском более или менее крупном городе.

Нет оснований считать, что с утверждением демократии дела обстоят принципиально иначе. Другое дело, что до стабильной демократии европейского образца, развитого гражданского общества и т.д. евразийским странам (и самой России в том числе) развиваться еще весьма долго; однако очевидно, что все же такое состояние общества в Евразии наступит гораздо быстрее, чем в Средней Азии. Относительно последней «миф шестой» следует признать во многом правильным, но о какой-то принципиальной неспособности среднеазиатов к демократии говорить все равно нельзя.

Кстати, миф шестой тесно переплетается еще с одним, более глобальным мифом, который распространяется некоторыми «ультралиберальными» политологами на всем постсоветском пространстве: любая интеграция бывших советских республик с участием России приведет лишь к консервации во всех интегрирующихся странах неэффективных социально-экономических систем. В частности, этой точки зрения придерживается И.Г. Яковенко.

Его книга «Российское государство: Национальные интересы, границы, перспективы» наряду со множеством очень правильных идей содержит и это положение²⁴.

На самом деле в Центральной Азии действует практически стопроцентная закономерность диаметрально противоположного характера: чем более пророссийскую внешнеполитическую позицию занимает то или иное центральноазиатское государство, чем лояльнее оно относится к своему «русскоязычному» населению (о положении последнего речь пойдет ниже), тем более оно продвинуто в области рыночных реформ, демократии и соблюдения прав человека. Можно расположить в порядке убывания как «пророссийскости», так и либерализма и демократии: Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан.

Единственное исключение из правила – пророссийский Таджикистан; однако очевидно, что его «пророссийскость» не является внутренней, а держится только на наших пограничных войсках и 201-й мотострелковой дивизии (да и остатки демократии тут сохраняются явно благодаря тому же российскому присутствию). Да и вообще, ситуация, в которой пребывает население этой республики, настолько драматична, что влияние фактора его цивилизационной самоидентификации просто временно заглушено. Иначе он, как мы уже писали, давно был бы частью «Великого Узбекистана»; можно не сомневаться, что с прекращением действия вышеназванных факторов именно так и произойдет.

Прямая же связь между пророссийскостью внешней политики и продвинутостью либерально-демократических преобразований неудивительна: как бы ни критиковали (и в значительной части справедливо) нынешнее Российское государство, все-таки на сегодня Россия – самая демократическая и либеральная страна в СНГ. Отнюдь не случайно бывший премьер Казахстана А. Кажегельдин предложил России поднимать на пространствах СНГ знамя не борьбы за права «русскоязычных», а за права человека вообще²⁵. Объективно это на 80% все равно будет борьба за права «русскоязычных», однако при этом такая постановка вопроса не настроит ни против России, ни против местного славянского населения коренное население стран региона, скорее наоборот.

В свою очередь, то, что по времени будущего усвоения демократии европейского типа евразийские государства явно стоят ближе к России, чем к Средней Азии, не может не быть серьезным доводом как для нашей страны, так и для этих стран при выборе партнеров для будущей интеграции.

Миф седьмой: победители решают все, но в результате политических и экономических изменений в конце концов в выигрыше остается каждый не подлежит анализу под углом зрения «тринадцатого мифа».

Миф восьмой: «национализм вечен и неизменен» не соответствует дейст-

вительности и в особых комментариях не нуждается. В целом остается согласиться с Мартой Брилл Олкотт в его критике.

Зато весьма интересен и подлежит серьезному анализу

Миф девятый: когда русские уедут, коренное население Центральной Азии покончит с колониальным прошлым.

Начнем с того, что совсем не факт, что русское и «русскоязычное» население уедет из всех стран региона. Тут опять необходим дифференцированный подход к Средней Азии и Евразии.

Если в первой половине 1990-х гг. во всем Центрально-азиатском регионе процесс оттока «русскоязычного» населения шел по нарастающей, то затем ситуация изменилась. Объективное основание для такого изменения – все то же различие между евразийской и среднеазиатской частями региона. В скотоводческих Казахстане и Киргизии оказался возможен симбиоз местного населения с европейскими переселенцами, которые занимали принципиально разные экономические ниши, и, как следствие, оказалось возможным проживание больших масс «русскоязычного» населения, в том числе и в сельской местности. По данным переписи 1979 г., в Казахстане в сельской местности проживало 23% «русскоязычного» населения, а в Киргизии – до 30%. В Средней же Азии этот процент составлял 3-6%²⁶. В силу занятости там сельскохозяйственных угодий местным населением европей-

цы могли проживать почти исключительно в городах.

Поэтому в Средней Азии выезд «русскоязычных» во второй половине 1990-х гг. продолжал расти (за исключением Таджикистана, где он уменьшился просто потому, что некому стало уезжать – в 1993-1994 гг. от 680-тысячной славянской диаспоры осталось не более 80.000 человек, а к настоящему времени по самым завышенным подсчетам остается 60 000 человек).

В Киргизии ситуация была принципиально иной. Процесс шел по нарастающей до 1993 г.: в 1990 г. выехало 42.000 человек, в 1992 – 56.000, а в 1993 – 120.000 «русскоязычных», из них 102.000 русских. Однако уже в 1992-1993 гг. выезд европейского населения начал вызывать тревогу как у руководства, так и у простых граждан Киргизстана. Раздавались голоса о том, что в результате выезда «русскоязычного» населения Киргизия может быть отброшена в своем развитии на десятки лет назад и даже «оказаться в 1863 г.» (условная дата вхождения Киргизии в состав России).

Уже с 1992 г. начали приниматься меры по защите прав «русскоязычного» населения: открытие славянского университета в Бишкеке, президентские указы о запрещении дискриминации за незнание киргизского языка, о признании статуса русского языка везде, где «русскоязычные» составляют большинство, а также там, где «русскоязычные специалисты незаменимы», наконец, признание за русским языком официального статуса, заты-

нувшееся, однако, на шесть лет (1996-2001). Благодаря этим мерам процесс выезда европейцев пошел на убыль: за 1994 г. выехало только 65.000 человек, а за 1995 – примерно 20.000²⁷. К 1998 г. отрицательный баланс (превышение числа уехавших над числом вернувшихся) сократился до 3.400 чел., а за первую половину 1999 г. выехало 772 чел. и еще 2,5 тыс. ждали разрешения на выезд²⁸. Правда, в 1999-2000 гг. он снова вырос до 7-8 тыс. в связи с известными событиями в Баткене, однако о массовом выезде уже нет и речи (если не произойдет какой-нибудь из ряда вон выходящей катастрофы общерегионального масштаба). Стало очевидным, что у «русскоязычной» диаспоры в Киргизии есть будущее.

Что касается Казахстана, то там идут в принципе примерно те же процессы. За 1991-1995 гг. выехало примерно 1.000.000 только русских²⁹. Общий отрицательный баланс миграции русских и немцев составлял в 1993 г. 207.900, в 1994 – 341.730, а затем начал уменьшаться: в 1995 г. – до 206.210, а в 1996 – до 153.327 (интересно при этом, что и количество въехавших в Казахстан «русскоязычных» в эти годы исчислялось многими десятками тысяч)³⁰.

Однако, намного сократившись по сравнению с «пиковым» 1994 годом, выезд «русскоязычных» остается по-прежнему значительным. Это можно объяснить двумя причинами: гораздо большим размером этой диаспоры (до 8 млн. против 1,2 млн. в Киргизии в 1989 г.) и тем, что европейская диаспора в Казахстане, в отличие от Кир-

гизии, еще не сократилась до уровня 1926 г. (условная дата, когда миграции населения в Центральной Азии перестали определять тенденции, заданные еще до 1917 г., и стали определять тенденции советского времени). По моему убеждению, именно до этого уровня должна сократиться численность «русскоязычных» для обеспечения межэтнической стабильности.

Хуже ситуация в двух присырдарьинских областях Казахстана – там и в 1998 гг. имели место массовые антирусские акции местной молодежи – например, избиение русских, не умевших сосчитать по-казахски до ста, обзывание «рабами», призывы «убираться в свою Россию» и т.д.³¹; уже говорилось, что эти территории тяготеют скорее к Средней Азии, чем к Евразии. Интересно, что сами казахи из других регионов называют местных «погаными сартами» (сообщено автору в личной беседе одним из русских правозащитников этого региона). Как известно, «сарт» – бранная кличка узбеков в Казахстане и Киргизии.

Так или иначе, возможность дальнейшего проживания «русскоязычных» в Казахстане и Киргизии – очень важный довод для России при выборе интеграционных и геополитических партнеров в регионе. А вот в Таджикистане, хотя бы с этой точки зрения, России делать нечего.

Что касается Средней Азии, то там «миф девятый» – во многом не миф: во-первых, как уже говорилось, отсюда русскоязычное население должно уехать полностью или почти полностью, и именно такой прогноз делался еще в

1995 г., причем авторы прогноза также противопоставляли в этом смысле Среднюю Азию Казахстану и Киргизии³².

Кстати, возвращаясь к вышеприведенному мнению М.И. Венюкова о том, что на юге Казахской степи нет естественных границ в виде территорий, способных содержать сплошное европейское население: очевидно, что именно там, в Казахском и Киргизском Семиречье, такие территории есть, а вот южнее до самого Индийского океана их как раз и нет. Сам М.И. Венюков в других своих работах признавал, что именно Семиречье пригодно для русской крестьянской колонизации³³. Однако он недооценил в этом смысле значение Семиреченского региона, хотя массовая колонизация началась еще при его жизни (он умер в 1901 г.). Но вернемся к Средней Азии.

Так вот, во-вторых, именно среднеазиатские территории можно назвать (и то с рядом натяжек) единственными территориями Российской Империи, представлявшими собой колонии в собственном смысле слова. Но это относится к периоду до 1917 г.; в советское время говорить о «колониях» вообще трудно. Избавившись от «русскоязычного» населения, Средняя Азия перестанет чувствовать себя бывшей российской колонией, и тот же Узбекистан, например, сможет почувствовать себя региональной сверхдержавой, о чем уже говорилось.

Миф десятый: население Центральной Азии по природе склонно к

насилию и для управления им нужна железная рука.

Этот миф тесно переплетается с мифом шестым, о котором уже говорилось. Не буду повторяться по поводу разной степени готовности к демократии у народов Евразии и Средней Азии, добавлю только, что и монополии какого-то одного племени и клана на власть во многих странах региона тоже нет. Например, в Киргизии при доминировании племени сарыбагыш (к которому принадлежал первый человек в республике – первый секретарь ЦК компартии – в 1961-1985 гг. Т. Усубалиев и к которому принадлежит и нынешний Президент А. Акаев) различные посты могут занимать и представители племен бугу (Прииссыккулье), и солто (Чуйская долина), и кушчу и саруу (Таласская область). Немалым весом во власти обладают и южане. Например, главой республиканской парторганизации (то есть, по советскому времени, фактически первым лицом в республике) были в 1950-1961 и 1985-1990 гг. южане – соответственно И. Раззаков и А. Масалиев. Председателем Президиума Верховного Совета (номинальным главой республики) был в 1945-1978 гг. Т. Кулатов – тоже южанин. Премьерами были кетмень-тюбинец А. Суеркулов (1950-1959), представитель племени бугу с Иссык-Куля К. Дыйканбаев (1959-1961) и т.д. Общая неприязнь северян к южанам существенно сильнее, чем взаимное противостояние северных племен, в частности, и потому, что южане более исламизированы, чем

северяне, однако и среди южных киргизов уровень исламизации невысок по сравнению с народами Средней Азии. Об исламском факторе мы еще скажем.

В Казахстане, правда, преобладание Старшего жуза ощущается гораздо сильнее, но оно далеко от монополии. Да и в Узбекистане, где Президент И.А. Каримов принадлежит к Самаркандскому клану, отнюдь нет монополии на власть самаркандцев. Только представителей регионов, где сильны исламско-экстремистские настроения, общими усилиями оттирают от власти: во-первых, клан ФАН (по названиям областных центров Ферганской долины – Фергана – Андижан – Наманган), который к тому же в советское время был самым сильным и потому по старой памяти всем представляется самым опасным, а во-вторых, клан Суркаш (по названиям двух южноузбекских областей – Сурхандарьинская и Кашкадарьинская). Даже в Таджикистане, где практически все советское время правили выходцы из Ходжентской (Ленинабадской) области, после гражданской войны 1992-1993 гг. их существенно потеснили кулябцы.

Но борьба кланов за власть – не главное в анализе мифа о необходимости «железной руки». Речь идет о большем – о способности народов региона к демократии в принципе. Как я уже говорил, неправомерно считать те или иные народы неспособными к демократии, а можно – лишь дозревшими или не дозревшими до нее. Иное дело, что евразийские Казахстан и Киргизстан, как уже говорилось, явно дозреют до демократии гораздо рань-

ше, чем среднеазиатские государства. У евразийцев это произойдет по времени ближе к России (особенно в случае более тесной интеграции с последней), чем у стран Среднеазиатской части региона.

Миф одиннадцатый: ислам опасен в своей основе и требует сдерживания,

пожалуй, самый опасный. Он смешивает два понятия – ислам и исламский фундаментализм (или исламский экстремизм, или, как его сейчас принято неправильно именовать, «ваххабизм»). Смешивать эти два понятия – все равно что смешивать христианство и инквизицию.

Вместе с тем, очевидно, что ***на данном историческом этапе*** мусульманская религия переживает болезнь роста, аналогичную средневековому этапу в истории христианства (напомним, что ислам на шесть веков моложе). Поэтому, ни в коем случае не покушаясь на ислам как на религию в целом, необходимо всеми мерами сдерживать распространение исламского экстремизма, особенно (поскольку речь идет об интересах России в регионе) среди народов Евразийской его части. Кстати, слабость ислама среди казахов и киргизов – не только одно из важных отличий евразийской части Центрально-азиатского региона от Среднеазиатской, но и дополнительный стимул для России интегрироваться именно с ними, а не со Средней Азией. О том, что при нынешней слабой исламизирован-

ности казахов и киргизов, опасность их «фундаментализации» в принципе существует и об опасности этого процесса для России, автор уже писал. О том, что слабая исламизированность казахов и киргизов и достаточно широкое распространение среди их молодежи христианства является не последним доводом в пользу интеграции с Россией – тоже³⁴.

Миф двенадцатый: люди в Центральной Азии все еще находятся в поисках правильного ответа, правильной политики, которые принесут процветание, мир и здоровье всем, но десять лет – слишком короткий срок, чтобы найти их.

Наконец, миф двенадцатый, в значительной степени не является мифом. Это касается и государств Евразийского единства (Казахстан и Киргизия), будущее которых, по нашему мнению, в более тесной интеграции с Россией. Не надо тешить себя иллюзиями, что независимость как форма существования этих государств изжила себя и вот-вот окончится («побаловались суверенитетом – и хватит», как сказал автору один киргиз осенью 1997 г. и повторил другой в совсем другой части Киргизстана три года спустя): распад единого союзного государства – это гораздо более всерьез и надолго, чем думалось десять лет назад. Но не надо забывать и то, что Евразийское славянско-степное единство уже неоднократно распадалось и снова восстанавливалось.

Проблема, однако, заключается в том, чтобы при будущем его восстановлении ограничиться только «евразийской» интеграцией, не сбиться опять на имперскую внешнюю политику (т.е. завоевание неевразийских земель, к каковым относится и Средняя Азия). От имперской политики необходимо отказаться, если мы хотим сохранить и развивать дальше демократию, строить гражданское общество и вообще превращаться в современное государство; в плане же интеграционном представляется перспективным будущее России и других евразийских стран как демократической федерации евразийских народов.

Поэтому точка зрения о том, что правильная политика еще не найдена, касается и государств Средней Азии, будущее которых – либо в независимости, либо в интеграции с кем-то иным, находящимся за пределами региона, или интеграция под властью одного из них самих, более сильного (очевидно – Узбекистана).

Так или иначе, появление на месте распавшейся империи чего-то нового, каких-то новых имеющих будущее образований займет срок гораздо более долгий, чем десять лет. Но подготавливать его надо уже сейчас, а для этого необходимо, помимо всего прочего, подвергать критическому анализу мифы о Центрально-азиатском регионе – как двенадцать, проанализированных Мартой Брилл Олкотт и тринадцатый, о котором говорилось в этой работе, так и новые, если они появятся.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ситнянский Г.Ю. Естественные границы: какой быть новой России // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 6. – С. 21.
2. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – СПб., 1877. – Ч.1. – С. 14.
3. Там же. – С. 140.
4. Гаспринский, Исмаил-бей. Русско-восточное соглашение // *Арабески истории*. – СПб., 1994. – Кн. 1. – С. 369-385.
5. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию // *Комсомольская правда*. – 1990. – 21 сентября.
6. Гафарлы, Мехман. Гражданская война ве-дет к развалу страны // *Независимая газета*. – 1996. – 25 сентября.
7. Ляпоров В. Нужен ли Средней Азии союз с Россией // *Независимая газета*. – 1996. – 13 сентября.
8. Известия. – 1998. – 2 сентября.
9. Krader L. Peoples of Central Asia. – Bloomington-Hague, 1963. – Р. 86.
10. Бутурлинов В.Ф., Плотников Г.К., Чубаров В.В. О советско-китайской границе: Правда и пекинские вымыслы. – М., 1982. – С. 11.
11. Затулин К.Ф., Грозин А.В., Хлюпин В.Н. Национальная безопасность Казахстана. – М., 1998. – С. 12-13.
12. Бутурлинов В.Ф. и др. Указ. раб. – С. 19.
13. Трофимов Д.А. Центральная Азия. – М., 1994. – С. 22.
14. Олкотт, Марта Брилл. Двенадцать мифов о Центральной Азии. – М., 2001. – С. 13.
15. Липский В.А. По горным тропам Русского Туркестана // *Известия РГО*. – 1906. – Т. XLII. – С. 91-236.
16. Судьин А.В. Киргизское село: Аккультурация и приверженность национальной культурной традиции // *Этносоциальные процессы в Киргизстане*. – М., 1994. – С.17-31.
17. Плетнева С.А. Кочевые народы VII-XIII вв. // *История СССР с древнейших времен до наших дней*. – М., 1966. – Т. 1. – С. 461.
18. Ситнянский Г.Ю. Христианство в степной Евразии: Применим ли исторический опыт // *Центральная Азия и культура мира* / журнал ЮНЕСКО в Бишкеке / В печ.
19. Krader L. Peoples of Central Asia. – Bloomington-Hague, 1963. – Р. 127.
20. Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // *Собр. соч.* – Алма-Ата, 1961. – Т. 1. – С. 524.
21. Венюков М.И. Россия и Восток. – СПб., 1877. – С. 160.
22. Там же. С. 158.
23. Ситнянский Г.Ю. Крест или полумесяц: Казахстан и Киргизия перед выбором веры // *Центральная Азия*. – 1997. – № 6. – С. 73-79 и др.
24. Яковенко И.Г. Российское государство: Национальные интересы, границы, перспективы. – Новосибирск, 1999. – С. 111-114.
25. Кажегельдин А. Правозащитная империя // *Известия*. – 2000. – 12 апреля.
26. СССР: Стат. справочник. – М., 1982. – С. 540-562.
27. Ситнянский Г.Ю. Интеграционные тенденции на постсоветском пространстве и противодействие им: На примере Киргизии: 1991-1999 // *Расы и народы*. – М., 2001. – Вып. 27. – С. 240-253.
28. Забелло Я.Ю., Собянин А.Д. Русские в Киргизии: Современное положение и прогноз // *Профи*. – 1999. – № 11. – С. 28-33.
29. *Правда-5*. – 1996. – 24-31 мая.
30. Масанов Н.Э., Савин И.С. Модель этнологического мониторинга. – М., 1997. – С. 26.
31. Известия. – 1998. – 2 сент.
32. Русские в новом зарубежье: Киргизия. – М., 1995.
33. Венюков М.И. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. – СПб., 1868. – С. 415, 427-430
34. Ситнянский Г.Ю. Крест или полумесяц: Казахстан и Киргизия перед выбором веры // *Центральная Азия*. – 1997. – № 6. – С. 73-79; Ситнянский Г.Ю. Откуда исходит угроза единству России // *Азия и Африка сегодня*. – 1997. – № 12. – С. 36-39.